

«Это не хард — это софт»

Обзор экспертного круглого стола Фонда Тимченко и МВШСЭН «Люди дела» в жизни, науке и медиа»

С. В. Андросенко

Софья Вадимовна Андросенко, аспирантка философского факультета МГУ, пресс-секретарь Свято-Филаретовского института. 105066, Москва, Токмаков пер., 11.
E-mail: sofia@sfi.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-4-173-181

Пусть имена цветущих городов
Ласкают слух значительностью бренной.
Не город Рим живет среди веков,
А место человека во вселенной.

Им овладеть пытаются цари,
Священники оправдывают войны,
И без него презрения достойны,
Как жалкий сор, дома и алтари.

Осип Мандельштам

30 ноября Фонд Тимченко и МВШСЭН провели в Москве круглый стол с показом и обсуждением киноальманаха «Люди дела». Фильм представляет собой пять новелл о замечательных людях из российской глубинки, которые меняют жизненное пространство вокруг себя. Все они — инициаторы проектов, поддержанных Фондом Тимченко за время двенадцатилетней работы.

Экспертная дискуссия, посвященная фильму, была построена вокруг феномена лидеров, или, как это сформулировано в миссии Фонда, «тех, кто ответственно относится к людям вокруг себя, остро чувствует их проблемы и не жалеет усилий, чтобы улучшить их жизнь».

Как связана возможность возникновения местного сообщества с личными качествами лидера? Как исследовать эти процессы тем, кто поддерживает социокультурные проекты? Как через кинодокументалистику взаимодействовать с обществом и влиять на происходящие в нем изменения? Такое проблемное поле обозначили организаторы разговора.

НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ

«Повреждение устранено, линию можно включать», — слова диспетчера электростанции из села Дебёсы в Удмуртии Сергея Васильева, с которых начинается фильм, звучат своего рода эпиграфом ко всему, что нам покажут в этой и следующих четырех историях. Ночью Сергей Валерьевич дежурит на станции, а в свободное от работы время его жизнь принадлежит землякам, которые посещают открытый им здесь три года назад шахматный клуб «Ход конем».

«У нас играют и дети, и взрослые, даже бывшие алкоголики», — говорит Сергей Васильев. Недавно в Дебёсах прошел все-российский турнир по быстрым шахматам и блицу среди сельских школьников.

«Дороги сделали, новый асфальт положили», — рассказывает местный житель о почти невероятных для отечественной глубинки событиях, которые, как электрические импульсы по проводам, передаются от увлеченного шахматами диспетчера «Удмуртэнерго» в соседние деревни до самого Ижевска.

«В конце 1990-х — начале 2000-х на территории Удмуртии было проведено большое количество проектных семинаров, посвященных музейному и территориальному развитию, — вспоминает выпускник МВШСЭН, ведущий специалист Центра аграрных исследований РАНХиГС *Александр Артамонов*. — Проводил их фонд, признанный в последние годы нежелательной организацией. Здесь как нельзя лучше подходит формула, когда-то высказанная Александром Крыштановским, сооснователем факультета социологии МВШСЭН: «Ни одно доброе дело не должно оставаться безнаказанным». Возможно, проведенные тогда семинары, один из которых был поблизости от Дебёс, в поселке Игра, дали свои отдаленные во времени всходы».

«Нужно учить педагогов», — комментирует Сергей Васильев следующий стратегический шаг по возрождению села, ставший возможным благодаря поддержке Фонда Тимченко. В 2021 году в Дебёском политехникуме был открыт Ресурсный центр по подготовке педагогов — преподавателей шахмат в школах. Как рассказала одна из жительниц села, это стало для многих настоящим спасением, и не только от алкоголизма. Сама она несколько лет назад потеряла сына и чуть не наложила на себя руки, а теперь участвует в соревнованиях и учит детей: по ее собственному выражению, «по ночам роды у коров принимаю, а днем — интеллигент».

Старый добрый принцип «учить тех, кто может других научить», «помогать тем, кто может другим помогать» — работает на протяжении всех пяти новелл. Именно по такому критерию создатели фильма отобрали для него героев. Это люди, через которых устраняются особого рода «повреждения на линии» и вымирающее

от бессмыслицы спивающееся население чудесным образом трансформируется в сообщество больше не чужих друг другу людей.

Юрий Змейков, отец восьмерых детей, из которых пятеро приемные, оставшись один на один с вопросом, как помочь адаптироваться к нормальной жизни ребятам, покалеченным системой казенных учреждений, создал у себя в Рязанской области Центр семьи и детства для поддержки таких же родителей, как он.

Пенсионер Петр Григорьев из маленького Сорочинска в Оренбургской губернии организовал земляков на строительство своими силами горнолыжного подъемника. В новостях его нарекли «сорочинским куршевелем». Зимой Петр Георгиевич учит местных детей и пенсионеров кататься на горных лыжах, а летом — на дельтаплане.

С. В. Андросенко
«Это не хард —
это софт»

Не стреляй пока — мы летать будем

«Мы хотели рассказать о нашей работе, но довольно быстро стало ясно, что эта работа выглядит примерно так же, как у всех — люди, которые бегают по офису с бумажками, — и что гораздо лучше о том, что мы делаем, расскажут истории тех, кому мы помогаем», — поделилась генеральный директор Фонда Тимченко *Мария Морозова*.

Фонд Геннадия и Елены Тимченко — один из крупнейших семейных благотворительных фондов в России. С 2010 года он поддерживает 4461 проект, потратив на программную деятельность более 7,9 млрд рублей. Программы Фонда во многом нацелены на развитие небольших городов и сел: 64% проектов были реализованы на малых территориях. Особое значение Фонд придает поддержке лидеров местных сообществ — в этом выражается заявленное как базовый принцип работы стремление «решать социальные проблемы, воздействуя на их причины».

«Это не “хард” — это “софт”, — говорит Мария Морозова о героях фильма. — И показывать их надо в их родном окружении, среди тех, кого они поддерживают».

По мнению ведущего научного сотрудника РАНХиГС *Валерия Виноградского* (Саратов), более точным названием для фильма было бы не «Люди дела», а «Люди места». Авторы фильма, как выяснилось, тоже рассматривали такой вариант.

«Перед нами гении места, — говорит Валерий Виноградский (и цитирует приведенные в эпиграфе стихи Мандельштама). — Это люди, которые своей жизнью отвечают на вопрос о “месте человека во вселенной”, причем так, что их ответ оказывается значим не только для них самих. Один человек, немного чудаковатый, начинает какое-то свое безумное предприятие. Но благодаря тому, что он в этом движим любовью к своему месту, вокруг него начинается закручиваться какая-то жизнь». Как говорит Сергей Васильев:

«Одна фигура ничего не стоит. Подключаем друга, коллегу на помощь — вдвоем уже можно дело делать».

Ключевая тема фильма — категория качества жизни, считает *Анатолий Голубовский*, советник по культуре президента Благотворительного фонда «Российский еврейский конгресс». Показанные в этих историях люди нашли себя и делают так, чтобы эта возможность была открыта и для других. И разрешение вопросов о смысле жизни, о призвании, сама работа мысли и жизненный поиск в этом направлении — рождают особого качества единство между людьми.

«Ты на дежурстве? Мы сейчас будем с горы летать на дельта-плане, ты не стреляй», — Петр Георгиевич предупреждает своего друга, сорочинского воздушного диспетчера, о предстоящем полете над городом. «Человек не должен летать, а ты летишь, — описывает он свои ощущения. — Молодость — это когда ты живешь будущим, к чему-то стремишься, у тебя есть мечта и силы для ее осуществления».

У 77-летнего Петра Георгиевича не было денег, зато были молодость, друзья и земляки, в которых он разглядел желание сделать что-то для людей, для города: «Ходил, просил, деньги занимал. Мне говорили: “Когда отдашь, тогда отдашь. Если помрешь раньше — простим”». На месте будущего «куршевеля» была свалка, жители вывезли бо КамАЗов мусора. «Я скупал подержанную технику, спортивный инвентарь, ремонтировал сам. Электродвигатель нашел, шкив, редуктор — подъемник сделал». Поскольку на горе не было электричества, пенсионер каждый день сам возил туда электростанцию на подаренном братом внедорожнике 1947 года выпуска. В 2021 году на средства Фонда Тимченко в городе была открыта Школа здорового образа жизни, где Петр Георгиевич теперь учит кататься на лыжах не только детей, но и своих ровесников.

Лидерство и сообщество через пять новелл открываются как аверс и реверс нормальной жизни и человека, и места. Деятельность и сама личность лидера, решившегося ответить себе на вопрос «кто я?» и связанный с ним, может быть, еще более фундаментальный — «зачем я?», становятся катализатором глубинных социальных изменений.

«Правда, иногда возникает впечатление, что одним проектом герои решили все свои проблемы, в этом плане фильм оставляет ощущение кажущейся бесконфликтности, хотя мы знаем, что не бывает бесконфликтных проектов и человек не решает одним проектом все свои проблемы», — замечает Анатолий Голубовский.

«Любовь — режиссер с удивленным лицом»

Александр Никулин, проректор по научной работе МВШСЭН, которому фильм очень понравился, тем не менее обратил внимание

на отсутствие в нем одной сюжетной линии, которая почти всегда возникает там, где дает о себе знать общественная инициатива и самоорганизация снизу, — взаимоотношения героев с местной властью. «Проблема есть, но чтобы возможно не осложнить жизнь героям, в фильме мы ее не затрагиваем», — отвечает Мария Морозова.

Но несмотря на законы, продиктованные жанром, в каждой новелле помимо драматургически необходимого локального конфликта главного героя присутствует и более тонкая трагическая линия.

«В 1954 году здесь произвели ядерный взрыв», — рассказывает земляк Петра Георгиевича, один из строителей «сорочинского куршевеля». В 20 километрах от города испытывали атомную бомбу. «Двери, окна повывлетали от взрыва, народ выбежал посмотреть, что происходит, — вспоминает сам Петр Григорьев. — Радиация: конечно, народ мрет у нас, от онкологии 70% народа умирает. У моей жены все братья вымерли — такое место у нас, если унывать будешь — быстро свернешься».

Слоган фильма гласит, что его героев объединяют «любовь, беда и мечта».

Когда будете смотреть фильм, обратите внимание, что жители новой шахматной столицы Удмуртии во время местного чемпионата поют поновленный советский гимн на фоне фотографий вымирающих деревень. С одной стороны, такой своеобразный product placement еще одного успешного социокультурного проекта — «Народной энциклопедии исчезнувших деревень» Александра Юминова. С другой стороны, как ни крути, на нас смотрит документальный портрет осколков затонувшей, подобно Атлантиде, русской цивилизации.

Марина Кабакова, хантыйка, музейный работник в поселке Казым, поняла, что ее сыновья могут, как и многие земляки, спиться от безысходности, — и придумала, как всех спасти. Ее центр социокультурного развития — место, где взрослые ханты и их дети могут приобщиться к реконструированным обычаям своей народности, которые существовали здесь до 30-х годов прошлого столетия. Один из них — «медвежьи игрища», ритуал по случаю добычи медведя, запрещенный в советское время. Интересно, что при этом героиня, которая возрождает эту традицию сегодня, сравнивает социальную роль своего культурного центра с колхозом, то есть в ее восприятии советский опыт не связан с уничтожением местных традиций, а скорее представляет собой образ устроенной социальной жизни.

«Чтобы дети не спились, обучать их обряду охоты на медведя — так себе идиллия», — комментирует проректор по учебной работе, и.о. ректора МВШСЭН Евгений Миронов этот сюжет. Тема катастрофы, разрыва исторического преемства, на фоне которых все происходит, чуть ли не помимо режиссерской воли заявляет о себе, когда в кадр в сцене обряда в кадр попадает стол с головой мед-

ведя и стоящими рядом с ней печеньем, яблоками и... бутылками водки и коньяка.

Автору этих строк тоже, признаться, трудно было смотреть сюжет об охоте на медведя — не только по причинам, названным Евгением Мироновым. Невольно приходит в голову, что медвежья игрища — не единственное и, может быть, не самое ценное, что было уничтожено в XX веке на территории бывшей огромной страны. Все это выводит на первый план не только саму попытку ответа на мандельштамовские вопросы о месте человека: «кто я?» и «зачем я?» — но и содержание ответов, которые тот или иной лидер может дать, то есть ставит вопрос о его качествах.

Два типа лидеров

Понятно, что лидерство в смысле, интересующем авторов фильма, — не набор характеристик, которые можно «прокачать» на управленческих курсах или усилить финансовыми вливаниями. Дело не просто в чудаковатости или способности собрать из списанной техники горнолыжный подъемник. Лидерство — своего рода помазание (буквальный перевод слова «харизма»), благодатный дар свыше, который неизвестно откуда берется.

Мария Морозова, отвечая на вопрос о критериях отбора тех, кому помогает Фонд, назвала один очень важный. По ее словам, можно условно выделить два типа лидеров: одни относятся к сообществу как к ресурсу для воплощения своих идей, а другим интересно общаться с людьми, они видят в них соучастников процесса, готовы получать от них обратную связь, им хочется, чтобы люди общались друг с другом.

Можно ли культивировать появление таких лидеров? Можно ли по крайней мере как-то их опознать? То, что их можно уничтожить, — проверено. Это одно из главных достижений XX века в нашей стране. Обезглавливание русской деревни в результате коллективизации и раскулачивания: уничтожение наиболее опытных, умелых, авторитетных крестьян, которые обеспечивали местную самоорганизацию. Уничтожение начатков выборности и отрицательный отбор кадров для православной церкви. В конце XX века убитый в начале XXI протоиерей Павел Адельгейм с горечью констатировал, что «уполномоченные (по делам религий) увяли, ибо архиереи дозрели». Надо ли упоминать армию, суды, высшую школу, предпринимательство, управление государством — можно взять любой социальный институт.

Так получилось, что начавшиеся в XX веке процессы вывели на первый план вопрос о поддержке и защите слабых, маргинализованных, угнетенных — таков главный пафос сложного комплекса негласных установок, объединенных причудливым концептом новой этики. Но трудно не заметить, что сам XX век с его тоталитар-

ными режимами, унижением человека, геноцидами и техногенными катастрофами — и то положение, в котором оказались в этом мире слабые, — во многом результат уничтожения не слабых, а сильных, последовательного истребления лучших, с одной стороны, и диагностированного Ортегой-и-Гассетом «восстания масс» — с другой.

В этом смысле поддерживать сегодня лидеров, принадлежащих, по классификации Марии Морозовой, ко второму типу, помогать тем, кто заинтересован в месте *другого* человека во вселенной — почти пророческая чуткость к временам и срокам. Это значит что-то противопоставить почти сто лет длившемуся отрицательному отбору, омассовлению, уничтожению элит, тех, кто обеспечивает выработку и передачу в обществе определенных качеств. Это также значит что-то противопоставить катастрофическому уровню недоверия, отчуждения между людьми в народе, который некогда Николай Бердяев называл «самым коммунотарным в мире».

Невидимые причины видимых изменений

Пятая новелла тоже разворачивается на фоне катастрофы, даже не одной. Ее героиня — коренная жительница Тулуна, города в Иркутской области, о котором в России узнали после наводнения в 2019 году. «Но мне казалось всегда — Тулун должен вызывать и другие, жизнеутверждающие, ассоциации, ведь на самом деле это место, где хочется быть», — говорит *Юлия Булдакова*.

Свои первые проекты, связанные с восстановлением исторической памяти, она начала делать задолго до стихийного бедствия. Один из них, поддержанный Фондом Тимченко, строился вокруг памяти о местном фольклористе и этнографе Георгии Виноградове (1886–1945). Юлии удалось собрать вокруг инициативы неравнодушных горожан, чиновников, работников учреждений культуры и бизнеса. С помощью еще одного проекта, «Стеклянная сказка Тулуна», удалось восстановить в городе стекольное производство, которое существовало здесь с 1950-х годов, но закрылось в 1990-е. Отыскали тех, кто работал на старом стекольном производстве, купили оборудование, обучили новых мастеров, открыли студию художественного стекла, стали продавать сувениры.

«Кадры руин стекольного завода в Тулуне вызывают ассоциации с руинами Советского Союза, — считает Александр Артамонов. — Нашим соотечественникам в конце 1980-х — начале 1990-х пришлось пережить сложные времена. Общим со всем промышленным миром был переход от индустриальной эпохи, требующей большого количества рабочих рук, к постиндустриальной, с ее автоматизацией, роботизацией и децентрализацией производства. Особенным — крах советской политической и экономической систем, в результате которого тысячи предприятий вместе с их историей исчезли с лица земли. Собирая осколки на территории бывшего завода, ге-

рои фильма символически собирают осколки смыслов существования завода и производства, уже не как индустриального, а как части культурной индустрии, сохраняющей нематериальное наследие и умения мастеров-стеклодувов».

Однако подлинное значение того, что произошло с жителями Тулуна, стало ясно во время страшного наводнения 2019 года, когда река Ия вышла из берегов и смыла три квартала. Сообщество, собранное Юлией Булдаковой, превратилось в координационный центр, который помог жителям сообща восстановить город и продолжить развивать культурное пространство, из которого люди не хотят уезжать.

Насколько долгосрочны и стабильны результаты развития малых городов и сел, которых удастся добиться героям фильма и их сподвижникам? Не производят ли пять трогательных историй впечатления бессистемной благотворительности, не имеющей серьезных перспектив в масштабах страны, где не решены более фундаментальные проблемы? Этот вопрос *Ольги Фадеевой* (Новосибирск), ведущего научного сотрудника Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН, прозвучал в дискуссии одним из первых.

Валерий Виноградский вспомнил историю о Гёте, записанную его секретарем и другом Иоганном Эккерманом. Во время прогулки по городскому саду Эйнбека (Нижняя Саксония) Гёте заметил, что тридцать лет назад здесь был очень толковый бургомистр. Что же особенного он увидел? Он увидел много зелени, деревьев, оценил, какой они породы, как хорошо тень от крон спасает от зноя и как предусмотрительно позаботился обо всем этом тот, кто руководил устройством сада тридцать лет назад. Опытному глазу был явлен неслучайный характер зеленой архитектуры, где воплотилась планомерно действовавшая единая человеческая воля, создавшая это неповторимое «место человека во вселенной».

Часто невидимые причины видимых результатов, к которым был так внимателен Гёте, ускользают из поля нашего зрения. Эта черта дает о себе знать и в пространстве общественных наук, и в бизнесе, где распространена привычка покупать дорогую технику, но экономить на обучении тех, кто будет на ней работать. Нас, как правило, больше интересует «железо», чем «софт». Может быть, это следствие стихийного материализма, захватившего интеллектуальное пространство в 1917 году? Бердяев вспоминал, что когда в после-революционной Москве регистрировали Всероссийский союз писателей, не оказалось такой отрасли, к которой можно было бы приписать труд писателя, и Союз был зарегистрирован по категории типографских рабочих.

На фоне зачищенного антропологического ландшафта даже толковый хозяин или управленец выглядит как социальное чудо. В пустыне непросто установить сложную нюансированную иерархию критериев отбора лидеров. Но может быть, после того, как мы на-

учимся опознавать, признавать и поддерживать талантливых предпринимателей и управленцев, для нас станут различимы и другие, более редко встречающиеся дары и более трудноизмеримые качества?

181

С. В. Андросенко

«Это не хард —

это софт»

“It’s not hard — it’s soft”.

Review of the expert round table of the Timchenko Foundation and MSSS “‘Man of Action’ in Life, Science and Media”

Sofia V. Androsenko, PhD Student, Moscow State University, Press-Secretary
St. Philaret’s Institute. 11 Tokmakov Ln, Moscow, 105066, Russia. E-mail: sofia@sfi.r